

Конан

Роберт Джордан
Огненный зверь

1984

Джордан Р.

Огненный зверь / Р. Джордан — 1984 — (Конан)

Конан-варвар жив! Слишком велика была популярность самого знаменитого персонажа за всю историю `героических фэнтези`, чтобы приключения его закончились со смертью его создателя. Вслед за Робертом Говардом эстафету саги о Конане принял Роберт Джордан – и подарил миллионам поклонников семь романов о новых деяниях отважного киммерийца. И новым из его деяний станет схватка с безжалостным порождением богов Тьмы – таинственным Огненным зверем...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	20
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Роберт Джордан Огненный зверь

Пролог

Ледяной воздух мертвенно, неподвижно висел над отрогами Кезанкийских гор, протянувшихся с юга на запад вдоль границы между Заморой и Бритунией. Птицы не пели, и безоблачное лазурное небо было пусто, поскольку даже вечные обитатели этих мест – грифы – не могли найти ни единого воздушного потока, чтобы парить.

В этой жуткой тишине на крутых бурных склонах, образующих естественный амфитеатр, толпились тысячи жестоких кезанкийских горцев в грязных тюрбанах. Они ждали, и их молчание сливалось с тишиной гор. Ни одна кривая сабля не лязгнула о камень. Ни одна нога, обутая в сапог, не шаркнула в нетерпении, которое ясно читалось на бородатых лицах. Люди, казалось, едва дышали. Черные глаза не мигая глядели на площадку в двести шагов в поперечнике, вымощенную огромными гранитными плитами и окруженную широким барьером высотой по пояс. Из барьера торчали, будто зубы из высушенного солнцем черепа, толстые, грубо обтесанные гранитные колонны. В центре этой круглой площадки к высоким черным железным столбам были привязаны за поднятые над головой руки глубоко врезавшимися в запястья кожаными ремнями три светлокожих бритунийца. Но не на них было сосредоточено внимание зрителей. Все глядели на высокого человека в алом одеянии и с раздвоенной бородой, который стоял над входом в туннель, выложенный массивными глыбами и уходящий в глубь горы.

Ималла Басракан, со смуглым худым и серьезным лицом под тюрбаном из красной, зеленой и золотой материи, запрокинул назад голову и прокричал:

– Слава истинным богам!

Возбужденный вздох пробежал по рядам зрителей, и ответ их эхом раскатился по склонам гор:

– Слава истинным богам!

Если бы натура Басракана была иной, он мог бы улыбнуться довольно. Горцы не собирались вместе в большом количестве, поскольку все кланы враждовали друг с другом и внутри племен кипела кровная вражда. Но он собрал этих людей, и не только тех, что стоят здесь. Почти в десять раз больше горцев устроили стоянки среди скал, окружающих амфитеатр, и каждый день прибывают еще десятки. С властью, данной ему истинными богами, с символом их благоволения, подаренным ими, он делал то, что не удавалось никому другому. И он сделает еще больше! Древние боги Кезанкийских гор избрали его.

– Люди городов, – он произнес эти слова как ругательство, – поклоняются ложным богам! Они не ведают о богах истинных – духах земли, воздуха, воды. И огня!

Нечленораздельный рев вырвался из тысяч глоток: одобрение Басракану и ненависть к людям городов слились вместе до того, что нельзя было отличить, где кончалось одно и начиналось другое.

Черные глаза Басракана горели страстью. Сотни других ималла бродили по горам, неся слово древних богов от клана к клану и охраняя кланы этим словом от вражды и войн. Но лишь ему было дано привести к победе истинной веры.

– Истинные боги считают людей городов злом! – Голос его гудел как колокол, и ималла видел, что слова его находят отклик в сознании слушающих. – Царей и князей, убивающих правоверных во имя демонов, называемых ими богами! Жирных торговцев, набивающих свои подвалы таким количеством золота, сколько нет и у целого клана! Принцесс, выставляющих напоказ свое полуголое тело и предлагающих себя мужчинам, будто блудницы! Блудниц, купа-

ющихся в благовониях и усыпающих себя золотом, будто принцессы! Мужчин, у которых гордости меньше, чем у животных, и которые побираются на улицах! Их мерзкие жизни оскверняют землю, но мы омоем ее их кровью!

Ответный крик толпы, потрясший серый гранит под его ногами, едва затронул мысли. Ималла думал о том, как он спускался в подземелье, глубоко под этой самой горой, ходил по мрачным коридорам, освещенным лишь факелом, который он нес, как пытался быть ближе к богам земли, когда возносил им молитвы. Истинные боги привели его к подземному озеру, в котором безглазые бесцветные рыбы плавали вокруг кладки огромных твердых, как лучшая броня, яиц, оставленных там в прежние века.

Долгие годы он опасался, что истинные боги отвратят от него свои лица из-за того, что он изучает магическое искусство, но лишь это знание позволило ему перенести эти гладкие шары в свою хижину. Без знания, полученного в результате его стараний, ему никогда не удалось бы высидеть одно из десяти яиц и он никогда не привязал бы к себе вылупившееся из него существо, хотя и сделано все это было столь несовершенно. Если бы только у него были Огненные глаза... Нет, когда у него будут Огненные глаза, все связи, такие хрупкие сейчас, будут как железо.

– Убьем неверных и осквернителей! – призвал Басракан, когда крики стихли. – Снесем их города и посыпем землю, на которой они стояли, солью! Женщины их, сосуды похоти, будут очищены от их мерзости! Не останется и следа их крови! Даже памяти! – Горбоносый ималла раскинул руки. – С нами символ благоволения истинных богов!

Громким чистым голосом он начал петь, и каждое слово отдавалось от скал, разносясь четким эхом. Тысячи собравшихся воинов затаили дыхание. Ималла знал, что среди слушающих есть и те, кто больше хочет наgrabить в городах золота, чем очистить мир. Теперь они узнают истинную веру.

Последний слог заклинания звенел в воздухе, будто хрустальный колокольчик. Басракан пробежал взглядом по оставшимся в живых бритунийским пленникам из охотничьего отряда, зашедшего в горы с запада. Одному из них было не больше шестнадцати, взгляд его серых глаз в ужасе метался, но ималла не считал бритунийцев людьми.

Басракан почувствовал низкую вибрацию камня еще до того, как услышал резкий скрежет когтей, более длинных, чем человеческая ладонь.

– Символ благоволения истинных богов с нами! – прокричал он снова, и из туннеля появилась огромная голова существа.

Тысячи глоток ответили ималле, когда показалась остальная часть бочкообразного тела, более пятнадцати шагов в длину, поддерживаемого четырьмя широко расставленными массивными ногами.

– Символ благоволения истинных богов с нами!

Короткую морду покрывала почерневшая чешуя, на фоне которой видны были торчащие из пасти неровные зубы, созданные для того, чтобы терзать плоть. Остальная часть чудовищной головы и тело были покрыты зеленой, золотой и алой чешуей, блестящей в бледных лучах солнца, чешуей тверже любой рукотворной брони. На спине эта чешуя недавно сменилась двумя удлинненными кожистыми волдырями. Это был дракон, как называют его в древних книгах, и, если эти фолианты сообщают правду о подобных твердых темных наростах, символ благоволения богов скоро будет совершенен.

Существо повернуло голову и устремило свой парализующий взгляд прямо на Басракана. Ималла оставался внешне спокоен, но внутри его словно сковало льдом, и холод этот заморозил дыхание и слова в горле. Ималле всегда казалось, что взгляд этих золотых глаз исполнен ненавистью. Это, конечно, не может быть ненавистью к нему. Он ведь имеет благословение истинных богов. Однако злоба там есть. Вероятно, это презрение создания истинных богов к простым смертным. В любом случае охранительные свитки с закланиями, положенные им

между грубо обтесанными гранитными колоннами, удержат дракона в круге, а туннель имеет только один вход. Только ли один? Хотя ималла часто спускался в пещеры под горой – по крайней мере в дни до того, как он нашел черные яйца дракона, – он не обследовал и десятой части подземелья. Вполне могут существовать десятки так и не найденных им выходов из этого лабиринта.

Существо отвело свой жуткий взгляд, и Басракан поймал себя на том, что делает глубокий вдох. Он был доволен, заметив, что в дыхании нет дрожи. Благоклонность древних богов воистину с ним.

Со скоростью, какой никак нельзя было ожидать от такой массы, поблескивающее чешуей существо оказалось в десяти шагах от связанных людей. Вдруг огромная морда закинулась назад, и из зияющей пасти раздался пронзительный вой, от которого люди похолодели до костей и сами кости сделались мягкими. Благоговейная тишина повисла над зрителями, но один из пленников закричал высоко и жалобно, и в этом крике уже явно слышалось безумие.

Мальчик боролся со связывающими его ремнями молча; по его рукам потекли ручейки крови.

Ималла с огненным взглядом вытянул руки вперед, ладонями вверх, будто предлагая дракона всем собравшимся.

– Он пришел из глубин земли! – кричал он, – Духи земли с нами!

Не закрывая пасти, дракон начал опускать голову – до тех пор, пока взгляд его холодных золотых глаз не устремился на пленников. Из зияющей пасти снопом вырывалось пламя и выплеснулось на них.

– Огонь – его дыхание! – кричал Басракан. – Духи огня с нами!

Двое медленно оседающих пленников уже превратились в факелы – рубахи и волосы их горели. Мальчик, извиваясь от боли, выкрикнул:

– Митра, помоги мне! Элдран, я...

Сверкающее существо сделало два прыжка, и сноп огня, немного поменьше, заставил мальчика замолчать. Бросившись вперед, дракон перекусил горящее тело пополам. Громко хрустнули кости, и на камни упали куски опаленного мяса.

– Истинные боги с нами! – произнес Басракан. – Близится день, когда символ благоденствия богов сможет летать! Духи воздуха с нами! – «Древние тома должны говорить правду, думал он. Эти кожистые наросты прорвутся, и вырастут крылья. Обязательно вырастут!» – И в тот день мы двинемся в поход, непобедимые, благодаря милости древних богов, и очистим мир огнем и сталью! Слава истинным богам!

– *Слава истинным богам!* – ответили его последователи.

– *Слава истинным богам!*

– *Слава истинным богам!*

– *Смерть неверным!*

Рев оглушал.

– **СМЕРТЬ НЕВЕРНЫМ!**

Тысяча останется, чтобы досмотреть пожирание до конца, ибо зрители были выбраны по жребию из воинов, постоянно прибывающих в лагерь, развернувшийся по склонам окрестных гор, и многие из них раньше этого не видели.

У Басракана же были и более важные дела. Дракон вернется в свои пещеры по собственной воле, после того как завершит свою страшную трапезу. Ималла пошел вверх по тропе, протоптанной им в буром камне, поскольку ему так много раз приходилось уходить по ней от амфитеатра в горы.

* * *

Человек, почти такой же высокий, как Басракан, и даже еще более тощий, с лицом, горящим аскетическим фанатизмом, и с заплетенной бородой, встретил его и низко склонился.

– Да будет с тобой благословение истинных богов, ималла Басракан, – сказал подошедший. Тюрбан из алой, зеленой и золотой материи выделял его как ученика Басракана, однако халат его был простым черным. – Пришел человек Аккадан. Я приказал проводить его в твоё жилище.

Ни тени возбуждения, испытываемого Басраканом, не пробежало по серьезному лицу. Огненные глаза! Он едва заметно кивнул.

– Да будет с тобой благословение истинных богов, ималла Джбейль. Я встречу с ним сейчас.

Джбейль снова поклонился, а Басракан пошел дальше не спеша, на этот раз даже не кивнув.

Тропа вела по склону горы к горному селению – два десятка сложенных из камня домиков, – выросшему в том месте, где раньше стояла лачуга, в которой жил Басракан. Его последователи предлагали построить ему крепость, но он не нуждался в подобном. Со временем, однако, он позволил соорудить для себя жилище в два этажа и больше, чем все остальные дома селения вместе взятые. Сделано это было не ради славы, напоминал он себе часто, ибо отрицал любую славу, кроме славы древних богов. Сооружение было построено во славу их.

Бородатые мужчины в тюрбанах, испачканных кожаных жилетках и широких шароварах, первоначальный цвет которых был тайной, скрытой годами и слоем грязи, склонялись, когда он приходил, и то же самое делали женщины, скрытые от головы до ног черными одеяниями с единственной прорезью для глаз. Он не обращал на них внимания, как не обратил внимания и на двух стражников, стоящих у дверей его дома, поскольку сейчас он откровенно спешил.

Войдя в дом, он увидел еще одного ученика в цветном тюрбане, который склонился перед ним, и указал костлявой рукой на дверь:

– Да будет с тобой благословение истинных богов, ималла Басракан. Человек Аккадан...

– Да, Рухалла, – Басракан не стал тратить времени даже на церемонию. – Оставь меня! – Не дожидаясь исполнения приказания, высокий ималла торопливо вошел через дверь, на которую указывал Рухалла, в скудно обставленную комнату, где были лишь столы и скамьи, покрытые черным лаком. Занавес на одной стене был тканой картой, изображающей народы от Моря Вилайет на запад до Немедии и Офира.

Лицо Басракана сделалось мрачным при виде ожидавшего в комнате человека. Тюрбан и раздвоенная борода заявляли о том, что это горец, но пальцы украшали перстни, халат был из пурпурного шелка, а полнота его фигуры и пухлое лицо говорили о пирах и вине.

– Ты слишком много времени провел среди людей городов, Аккадан, – сказал Басракан сурово. – Без сомнения, ты приобщался к их порокам! Сожительствовал с их женщинами!

Обрюзгшее лицо вошедшего побледнело так, что это было заметно сквозь загар, и он быстро спрятал руки в перстнях за спиной, когда склонился, произнося:

– Нет, ималла Басракан, я не делал ничего подобного. Клянусь! – Слова словно спотыкались в спешке. На лбу заблестел пот. – Я истинный...

– Довольно! – оборвал его Басракан. – Твое счастье, если у тебя есть то, за чем ты был послан, Аккадан. Я приказал тебе без сведений не возвращаться.

– У меня они есть, ималла Басракан. Я их нашел. И я составил планы дворца и карты...

Крик Басракана прервал его:

– Воистину древние боги благоволят мне более чем кому-либо из смертных!

Повернувшись к Аккадану спиной, он прошагал к занавесу на стене и торжествуя поднял сжатые кулаки, глядя на изображенные там страны, населенные разными народами. Скоро Огненные глаза будут у него и дракон окажется связанным с ним так, будто является частью его плоти и воли. И когда перед его последователями взлетит символ благоволения истинных богов, ни одна армия смертных не сможет устоять против них.

– Слава истинным богам, – яростно прошептал Басракан. – Смерть неверным!

Глава 1

Ночь ласкала Шадизар, город, прозванный Злым, и скрывала происходящее в нем, которое оправдывало это прозвище тысячу раз и более. Темнота, приносящая покой другим городам, вызывала самое худшее в Шадизаре Алебастровых Башен, в Шадизаре Золотых Куполов, в городе продажности и насилия.

В десятках мраморных покоев одетые в шелка аристократы увлекали чужих жен к себе в постель, а купцы с множеством подбородков облизывали губы, замышляя похищения дочерей конкурентов. Благоухающие жены, сидя под снежно-белыми опахалами из страусиных перьев, ломали головы, как бы наставить рога мужьям, в то время как женщины со страстными глазами из богатых и знатных семей думали, как обойти охрану, оберегающую их предполагаемое целомудрие.

Девять женщин и тридцать один мужчина, один из которых был нищим, а другой – князем, пали жертвой убийств. Золото десяти богачей было унесено из окованных железом подвалов грабителями, а пятьдесят других увеличили свое состояние за счет бедных. В трех борделях практиковались немыслимые раньше виды извращений. Продажные женщины, которым не было числа, предлагали себя во всех темных закоулках, а скрюченные, оборванные нищие подкарауливали пьяных клиентов женщин. Никто не ходил по улицам без оружия, но даже в самых лучших районах города оружия часто было недостаточно, чтобы уберечь свой кошелёк от карманников и налетчиков. Шадизарская ночь была в разгаре.

Обрывки облаков, гонимые теплым ветерком, проползали пятнами по высоко висящей в небе луне. Бродячие тени проносились над крышами домов, однако и этого было достаточно мускулистому молодому человеку с ремнем, перекинутым через широкую грудь так, что потертая рукоять меча торчала над правым плечом. Навыки, приобретенные им на диких пустынных склонах его родных Киммерийских гор, помогали ему сливаться с пробегающими тенями, будучи незаметными для глаз того, кто рожден в городе.

Крыша четырехэтажного дома, по которой путешествовал молодой человек, закончилась, и он стал вглядываться в темноту, скрывающую мостовую улицу. Его ледяные глаза были подобны сапфирам, а лицо, обрамленное грубо остриженной гривой черных волос, перевязанных кожаным ремешком, говорило, несмотря на юность, о жизненном опыте, которого хватило бы не на одного обычного человека. Он разглядывал соседнее здание – алебастровый куб с узорным фризом, тянувшимся по всей длине чуть ниже края крыши. Послышалось тихое низкое ворчание. Улица под ним была шириной в целых шесть шагов, и тем не менее она являлась самой узкой из тех, что окружали сооружение, сравнимое с дворцом. Что он не заметил, когда выбирал себе путь – оценивая расстояния с земли, – так это то, что крыша была покатой. И крутой! Эрлик побрал бы этого Баратсеса, подумал он. И его золото!

Это была кража не по его собственному выбору, а заказ купца Баратсеса, поставщика пряностей из самых дальних стран мира. Десять золотых монет обещал торговец пряностями за самую дорогую вещь Самарида – богатого импортера драгоценностей, – кубок, вырезанный из цельного огромного изумруда. Десять золотых были сотой частью стоимости кубка и десятой частью того, что заплатили бы скупщики краденого в Пустыне, но после череды неудач в игре в кости киммерийцу очень нужны были монеты. Он согласился на эту кражу и на такую плату и взял две золотые монеты в задаток еще даже до того, как узнал, что нужно украсть. Однако обещание надо выполнять. По крайней мере, подумал он мрачно, там, на крыше, нет стражи, как на других домах купцов.

– Кром! – пробормотал он, бросив последний взгляд на крышу Самарида, и отошел от края подальше в тень между трубами. Сделав несколько глубоких вдохов, чтобы наполнить легкие, он присел. Взгляд сосредоточился на вершине крыши напротив. Вдруг, будто леопард

на охоте, он бросился вперед: в два шага он развил большую скорость. Толчковая нога коснулась края крыши, и он прыгнул – вытянув вперед руки, согнув пальцы, готовый зацепиться.

С грохотом киммериец приземлился животом на покатую крышу. И тут же начал сползать. В отчаянии он расставил руки и ноги, чтобы удержаться; глаза искали какой-нибудь выступ, хотя бы шишечку, чтобы ухватиться и предотвратить падение. Он неумолимо сползал к краю крыши.

Неудивительно, что на крыше нет стражи, подумал он, злой на себя за то, что раньше не задал себе вопроса о причине такого «упущения». Поверхность черепиц, покрытых глазурью, была гладкой, как фарфор. Не успел он перевести дыхание, как ноги его уже свесились с крыши. Неожиданно его левая рука скользнула, попав в то место, где не доставало черепицы. Черепицы раскололись и отвалились под тяжестью его тела, когда он тщетно пытался ухватиться за них рукой, осколки дождем посыпались мимо него вниз, во мрак. Ладонь ударилась о дерево, и киммериец судорожно сжал пальцы. Сделав мощный рывок, он остановился и повис в темноте на высоте в четыре этажа.

В первый раз со времени прыжка киммериец издал звук – долгий, медленный выдох сквозь зубы.

– Десяти золотых, – проговорил он спокойным голосом, – недостаточно.

Вдруг деревянная рама, за которую он держался, с резким хрустом сломалась, и он снова полетел. Падая, он вытянулся, поймал кончиками пальцев выступ в нижней части фриза, шириной с палец, и ударился грудью об алебастровую стену.

– Совсем недостаточно, – выдавил он из себя, когда восстановил дыхание. – Я склоняюсь к мысли, что после этого проклятый кубок следует отнести Зенону. – Но, даже говоря это, он знал, что не пойдет к немедийцу – скупщику краденого. Он дал слово.

В то мгновение, понимал киммериец, задача его заключается не в том, как сбыть изумрудный кубок, а как выбраться из создавшегося положения с целой шкурой. Единственными отверстиями, прорезающими алебастровую стену на этой высоте, были вентиляционные дыры, размером с его кулак, поскольку верхний этаж и чердак были отведены под хранилище запасов и помещения для челяди. Им не нужны окна, по мнению Самарида, – если их сделать, слуги и рабы будут выглядывать из них и портить вид его прекрасного дома. Никакого уступа или карниза не было на гладкой стене, не было даже балконов, выходящих на улицу. Крыша же, с которой киммериец прыгнул вначале, вполне могла бы находиться и в Султанапуре, а ее край – за облаками. Остаются (неохотно заключил болтающийся молодой человек) только окна третьего этажа, верхние своды которых находились под ним на расстоянии вытянутой руки.

Не в характере киммерийца было терять время после того, как решено, что надо делать. Медленно перебирая пальцами, он продвинулся вдоль узкого уступа. Первые два сводчатые окна под его ногами светились. Он не мог рисковать встретить людей. Третье окно, однако, было темным.

Сделав глубокий вдох, он разжал руки и начал падать, едва задевая телом стену. Если он прижмется к стене слишком сильно, его оттолкнет, и помочь себе он тогда не сможет. Когда он почувствовал, что пальцы ног находятся напротив окна, он подтянулся немного вперед навстречу подоконнику. Подметки сапог ударились о камень, а ладони с силой шлепнули и уперлись в край окна. Киммериец удержался, хотя и очень ненадежно, поскольку не за что было уцепиться даже ногтем. Усилием воли он пытался удержаться и не упасть.

Мышцы вздулись от напряжения, но он сумел сделать шаг вперед и войти в жилище Самарида. Когда нога коснулась устланного коврами пола, рука направилась к потертой коже на рукояти меча. В комнате было темно, однако привычные к ночной темноте глаза молодого человека могли различить серые силуэты мягких кресел. На стенах висели шпалеры, цвет которых в темноте казался серым, а мраморный пол покрывал ковер с неясным узором.

Вздохнув, киммериец наконец немного расслабился. Это не спальня, где можно было бы разбудить кого-нибудь, кто поднял бы тревогу. Пора бы уже, чтобы хоть что-нибудь удалось в эту ночь сплошного невезения.

Задачи, однако, оставались. И еще неизвестно, какая из них самая трудная: то ли как выбраться из этого жилища, то ли как добраться до своей цели. Дом Самарида был выстроен вокруг сада, где торговец драгоценностями и проводил большую часть своего времени среди фонтанов. Единственная дверь помещения, в котором он выставял свои сокровища, выходила на колоннаду на первом этаже вокруг этого сада.

Было бы просто забраться в сад с крыши, к тому же Баратсес точно описал расположение двери в сокровищницу. Теперь ему надо пробираться по коридорам с риском натолкнуться на слуг или стражу.

Приоткрыв дверь, он заглянул в коридор, освещенный бронзовыми лампами, висящими на цепях. У стен, разукрашенных замысловатыми мозаичными узорами из тысячи крошечных плиточек, на некотором расстоянии друг от друга стояли столы, инкрустированные перламутром. Никто не шел по полированному мраморному полу. Киммериец тихо выскользнул в коридор.

Мгновение он простоял, рисуя в мозгу план дома. Мысленно он представил, где находится сокровищница. Напрягая слух, чтобы первым услышать чужие шаги, он легко, как кошка, пошел по коридору. Задняя лестница провела его вниз, следующая – еще ниже. Расположение лестниц и красная стершаяся облицовка говорили, что это лестницы слуг. Дважды он настораживался, услышав шарканье сандалий в соседнем коридоре, и прижимался спиной к стене, едва дыша, когда не видящие ничего слуги в бледно-голубых рубахах спешили мимо, слишком поглощенные своими занятиями, чтобы даже просто взглянуть в боковой коридор.

Но вот он в саду. Высокие, поглощенные тенью стены дома делали сад похожим на маленькое ущелье. Слышались всплески и нежное журчание полудюжины фонтанов, разбросанных среди фиговых деревьев, цветущих растений и алебастровых статуй. Сокровища лежали как раз напротив.

Молодой человек сделал шаг и замер. Неясная фигура спешила в его сторону по одной из садовых дорожек. Конан тихо отошел в сторону, подальше от света, падающего из двери. Неужели его заметили, подумал он. Кто бы это ни был, но теперь фигура двигалась очень медленно, будто крадучись, совершенно беззвучно.

Вдруг незнакомец оставил мощеную дорожку и снова пошел в сторону киммерийца. Челюсть Конана напряглась, но ни один мускул не дрогнул, даже веки не моргали. Ближе. Десять шагов. Пять. Два. Незнакомец замер, едва слышно вскрикнув от удивления. Огромный киммериец прыгнул. Одна рука оборвала звук, зажав рот, который его издавал, другая обхватила руки непонятного существа. В мозолистую ладонь Конана впились зубы, и пленник начал бешено биться, осыпая пинками ноги киммерийца.

– Эрлик тебя побери! – прошипел молодой человек. – Ты дерешься как женщина! Прекрати, и тебе ничего не...

И тут до него дошло, что тело, которое он держал, было округлым, хотя и плотным. Он шагнул в сторону, туда, где падал свет от двери, и обнаружил, что разглядывает большие карие глаза, которые вдруг приняли суровое выражение.

Это все-таки была женщина, и красивая, с шелковой оливковой кожей и волосами, плотно заплетенными вокруг маленькой головки. Она перестала кусаться, и он ослабил руку, державшую ее челюсть. Он раскрыл рот, чтобы сказать, что не причинит ей вреда, если она не будет кричать, но она перебила его.

– Я колдунья, – прошептала он грозно, – и я знаю тебя, Конан, пришедший из далекой Самарии или Киммерии. Ты считаешь себя вором. Отпусти меня!

Волосы у него на затылке зашевелились. Откуда она знает? Похоже, у него талант натывать на колдунов, талант, которого он предпочел бы лишиться. Он уже ослаблял хватку, когда вдруг заметил озорной блеск в ее больших глазах и то, как белые зубки прикусили полную нижнюю губу. Только сейчас обратил он внимание на то, во что она была одета: плотно облегающая матовая черная ткань от шеи до ступней. Даже на ногах были черные носки, с отделенным большим пальцем, как на варежке.

Удерживая ее перед собой за плечи, он не мог подавить улыбку. Она хрупкая и маленькая, но то, как плотно облегалось тело ее странное одеяние, не оставляло сомнения в том, что это женщина. Она пнула его и попала в голень.

– Колдунья? – прорычал он тихо. – Только почему-то мне кажется, что ты будешь рассказывать что-нибудь другое, если я приложу розгу тебе к заднице.

– А почему мне кажется, что при первом же ударе я закричу так, что сюда сбежится полгорода? – шепнула она в ответ. – Но на самом деле я не хочу этого делать. Меня зовут Лиана, и я слышала о тебе, Конан. Я видела тебя на улицах. И восхищалась тобой. Я просто хотела показаться таинственной, чтобы быть достойной соперницей твоим женщинам. – Она пошевелилась, пытаясь высвободиться, и ее округлые груди, и так слишком большие для ее хрупкого тела, сделались еще заметнее. Она облизнула губки и приветливо улыбнулась: – Отпусти меня, пожалуйста. Ты такой сильный, что делаешь мне больно.

Он колебался, затем опустил ее на землю.

– Что это у тебя за одежда, Лиана?

– Не думай об этом, – страстно прошептала она, прижавшись еще сильнее. – Поцелуй меня...

Руки его сами собой поднялись, чтобы обхватить ее лицо. Но не успели его пальцы коснуться щек, как она упала на колени и сделала кувырок вперед мимо него. Пораженный, он все же успел развернуться ей вслед. Маленькая ножка во время кувырка ударила его под ребра, отчего он ойкнул и потерял время, так что женщина успела встать на ноги лицом к стене... и она, казалось, начала карабкаться вверх, как паук.

Выругавшись, Конан бросился вперед. Что-то коснулось его руки, и он схватил мягкую, выкрашенную в черный цвет веревку, свисающую сверху.

– Митра, какой же я дурак! – простонал он. – Воровка!

Тихий смех донесся сверху, так близко, что Конан резко поднял голову.

– Ты действительно дурак. – В тоне девушки слышалась радость. – А я на самом деле вор, чего из тебя никогда не получится. Возможно, с такими плечами ты сможешь стать извозчиком. Или ломовой лошады.

Рыча, Конан уцепился за веревку, чтобы залезть наверх. Он заметил краем глаза, как что-то мелькнуло, и скорее почувствовал, чем услышал, как что-то упало у его ног. Инстинктивно он отпрыгнул, отпустив веревку. Пытаясь снова схватить ее, он лишь коснулся конца веревки, которую подтягивали наверх.

– Я бы попала в тебя, – снова послышался низкий голос девушки, – если бы захотела. На твоём месте я бы убралась отсюда. Сейчас же. Прощай, Конан.

– Лиана? – громко прошептал он. – Лиана?

Ответом ему была тишина.

Тихо бормоча проклятия, он обшарил землю у ног и выдернул из нее плоский черный метательный нож. Он заткнул его за пояс и вдруг напрягся, будто его ткнули чем-то.

Девушка была воровкой, и она пришла со стороны сокровищницы. Ругаясь про себя, он побежал, не обращая внимания на редкие кусты и цветы.

Сводчатая дверь, ведущая в помещение, где Самарид хранил свои самые ценные предметы, была открыта. Конан остановился на мгновение, чтобы осмотреть тяжелый железный

замок. В том, что дверь открыла девушка, киммериец не сомневался, но если она побывала внутри, значит, все ловушки обезврежены либо их можно обойти.

Киммериец поколебался еще одно мгновение, затем направился по залу, вымощенному ромбовидными красными и белыми плитками. Изумрудный кубок, как ему сказали, должен стоять в дальнем конце помещения на постаменте, вырезанном из серпентина. Когда он сделал второй шаг, одна ромбовидная плитка вдавилась у него под ногой. Вспомнив об арбалетах, установленных на стенах, – киммериец встречал уже такое раньше, – он бросился на пол. Конан почувствовал, как под его рукой вдавилась еще одна плитка. От стены послышался лязг и треск, который он не мог не узнать, будучи вором уже достаточно долго. Каждая погружившаяся плитка высвободила груз, который тянул за цепь и вращал колесо. И оно в свою очередь приведет в действие... вот только что?

Когда он вскочил на ноги, начал звонить колокол, затем еще один. Ругаясь, Конан побежал в конец помещения. Плиты продолжали вдавливаясь, и к тому времени, когда он достиг матово-зеленого пятнистого постамента, четыре колокола били тревогу. Постамент был пуст.

– Эрлик поberi эту девку! – прорычал он.

Резко развернувшись, он бросился из сокровищницы. И налетел прямо на двух стражников с копьями. Когда все трое повалились на пол, в голове у Конана промелькнула мысль о том, что даже хорошо, что он не задержался, чтобы выбрать себе что-нибудь взамен кубка. Кулак врезался в лицо одного стражника, расквасив нос и раздробив зубы. Стражник дернулся и осел, потеряв сознание. Другой вскарабкался на ноги, готовый ударить копьем. Если бы он задержался, думал Конан, они вполне могли продержаться бы его в сокровищнице, пока не подойдут другие. Он выхватил меч из ножен, ударил по копью у самого наконечника, и в результате у стражника в руках оказалась просто длинная палка. С криком стражник бросил эту жердь в Конана и побежал.

Конан тоже побежал. В другую сторону. Он нырнул в дом в первую же дверь, влетев в толпу слуг, взволнованно обсуждающих причину поднятой тревоги. Какое-то мгновение они глядели на него, все сильнее тараща глаза, но затем он взмахнул мечом в воздухе и взревел изо всех сил. Мужчины и женщины бросились врассыпную, будто стая кофских куропаток.

Паника, подумал киммериец. Если он посеет панику, то, может быть, еще сумеет выбраться отсюда. Он понесся по дому, встречая каждого попадающегося ему слугу диким ревом и взмахами меча, пока крики «На помощь!», «Убивают!» и даже «Пожар!» не стали слышны в каждом коридоре. Несколько раз молодому киммерийцу приходилось укрываться в комнатах, когда мимо, лязгая железом, проносились стражники, бегущие на крик и оружие сами. Он уже начал удивляться, сколько же людей у Самарида. Какофония звуков и беспорядок царили в доме.

Наконец Конан добрался до зала при входе, окруженного с трех сторон балконом с балюстрадой из дымчатого камня, и со сводчатым потолком, украшенным алебастровыми арабесками.

Двойная лестница из черного мрамора шла от балкона на уровне второго этажа к мозаичному полу, на котором была выложена карта мира – так, как его знали заморийцы, где каждая страна была представлена драгоценными камнями, вывозимыми оттуда.

На все это Конан не обратил внимания, поскольку взгляд его был устремлен на высокую окованную железом дверь, ведущую на улицу. Ее запирали засов такой тяжелой, что поднять его можно было только втроем, и засов этот, в свою очередь, удерживался на месте железными цепями и массивными замками.

– Кром! – проворчал киммериец. – Заперта, как в крепости!

Один, два, три раза меч его ударил по замку, и каждый раз Конан морщился, видя, что делают эти удары с кромкой клинка. Замок открылся, и Конан начал быстро протягивать цепь сквозь кольца, при помощи которых она крепилась к засову. Когда он повернулся, чтобы

заняться следующей цепью, в засов рядом с тем местом, где он стоял, впиалась стрела толщиной в два его пальца. Он бросился на пол, пытаясь определить, откуда может прилететь следующая стрела.

Вдруг он увидел своего одинокого противника. Наверху лестницы стоял невероятно толстый человек, чья кожа, однако, висела складками, будто раньше он был в два раза толще. Пухлое лицо окружали жидкие редкие волосы, и одет он был в бесформенный ночной темно-синий шелковый халат.

Самарид...

Одна нога торговца драгоценностями была вставлена в стремя на конце тяжелого арбалета, и он, пытаясь, крутил ворот, натягивая тетиву, а из угла его тонкого рта текла струйка слюны.

Быстро оценив, сколько времени пройдет до того, как Самарид сможет вставить в арбалет новую стрелу, Конан вскочил на ноги. После одного яростного удара, высклещив искры, второй замок со звоном полетел на пол. Вложив меч в ножны, Конан выдернул цепь и взялся за массивный засов.

– Стража! – вопил Самарид. – Ко мне! Стража!

Мускулы вздулись желваками на икрах, бедрах, спине, плечах и руках, когда Конан уперся в тяжелый деревянный засов. Он приподнялся на толщину ногтя. На лбу киммерийца выступил пот. На толщину пальца. На ширину ладони. И вот засов вышел из железного паза.

Конан сделал три шага назад, чтобы отвернуть засов. Мозаичные плитки разлетелись вдребезги, когда засов грохнулся и сотряс пол.

– Стража! – заорал Самарид, и ему ответил топот ног.

Конан кинулся к толстой окованной двери и потянул одну створку так, что она с силой ударила в стену. Когда он выбегал на улицу, еще одна стрела просвистела мимо его головы и пропорола борозду в мраморном портике. За спиной образовалась суতোлка, когда в зал с криком ввалились стражники, спрашивая у Самариды, что делать, а Самарид, бессвязно вопя, пытался отвечать им. Конан не стал оглядываться. Он побежал. Полный злости на молодую воровку со слишком острым языком, он бежал, пока шадизарская ночь не поглотила его.

Глава 2

Квартал Шадизара, называемый Пустыней, состоял из жалких трущоб. Над кривыми улочками висел смрад, пахло отбросами и отчаянием. Беспорядки, творившиеся в остальных частях города за закрытыми дверями, происходили в Пустыне открыто и делались для того, чтобы получить доход. Обитатели Пустыни, большей частью оборванцы, жили так, будто в следующее мгновение их может настичь смерть, что зачастую и происходило. Мужчины и женщины были собирателями падали, хищниками или жертвами, и те, кто считал себя принадлежащим к одному классу, обнаруживали, часто слишком поздно, что принадлежат к другому.

Таверна Абулета была одной из лучших в Пустыне, по мнению обитателей квартала. Среди ее завсегдатаев было мало разбойников и карманников. Расхитителей могил не приветствовали, хотя больше из-за запаха, который шел от них, чем из-за способа, каким они добывали себе монеты. Всем остальным, кто мог уплатить за выпивку, были рады.

Когда Конан толкнул дверь таверны, испарения улицы мгновенно вступили в борьбу с запахом подгоревшего мяса и кислого вина в большом обеденном зале, где двое музыкантов, играющих на цитрах, аккомпанируя голой танцовщице, безуспешно соревновались с шумом голосов посетителей таверны. Усатый немедийский фальшивомонетчик мял руками у стойки хихикающую потаскуху в высоком рыжем парике и лоскутах зеленого шелка, которые мало что могли сделать, чтобы скрыть роскошные полушария груди и ягодиц.

Пухленький офирский сводник с перстнями, блестящими на пальцах, угощал за угловым столом; среди тех, кто смеялся его шуткам – пока хватало его денег по крайней мере, – были три похитителя, смуглые, с узкими лицами иранистанцы, надеющиеся, что он сможет навести их на дело. Две потаскухи, черноглазые близнецы, предлагали свои услуги, расхаживая между столов, и их пояса из монет позвякивали в такт покачивающимся бедрам.

Не успел киммериец войти, как полная, с оливковой кожей женщина обвила его шею руками. Позолоченные бронзовые чаши едва вмещали ее тяжелые груди, а узкий пояс из позолоченных цепочек, низко сидящий на ее крутых бедрах, поддерживал полоски прозрачного синего шелка, шириной не больше пяди, которые свисали спереди и сзади до щиколоток с браслетами.

– Ах, Конан, – промурлыкала она низким голосом, – как жалко, что ты не вернулся раньше.

– Выпей со мной, Семирамида, – ответил он, разглядывая ее высокую грудь, – и расскажи, зачем мне нужно было возвращаться раньше. А потом мы поднимемся наверх... – Он замолчал в недоумении, когда она замотала головой.

– Я сегодня работаю, киммериец. – Увидев, что он хмурится, она вздохнула: – Даже мне, чтобы жить, нужно немного серебра.

– У меня есть серебро, – прорычал он.

– Я не могу у тебя брать монеты. Не хочу.

Он выругался про себя.

– Ты всегда так говоришь. Почему не хочешь? Не понимаю.

– Потому что ты не женщина, – она нежно рассмеялась. – За что я бесконечно тебе благодарна.

Лицо Конана напряглось. Вначале Лиана сделала из него дурака этой ночью, а теперь Семирамида пытается сделать то же самое.

– Женщины никогда не говорят прямо. Ладно. Если я тебе сегодня ночью не нужен, то и ты мне не нужна.

Он отошел от нее, а она так и осталась стоять, уперев кулаки в бока и беззвучно кривя от раздражения губы.

У стойки он залез в кошелек и бросил на ее потрескавшуюся деревянную поверхность медяки. Как он и предполагал, звон монет прорезался сквозь стену шума в зале и привлек Абулета, который подошел, вытирая толстый палец о грязный передник, надетый поверх выцветшей желтой рубахи. Хозяин таверны подхватил монеты отработанным движением.

– На них я хочу вина, – сказал Конан, Абулет кивнул. – И кое-каких сведений.

– Здесь хватит на вино, – сухо ответил хозяин. Он поставил деревянную кружку, от которой поднимался кислый запах дешевого вина. – Сведения стоят дороже.

Конан потер большим пальцем зарубку на краю стойки, сделанную мечом, привлекая взгляд свинячьих глазок жирного хозяина к этой отметине.

– Их было шестеро, насколько я помню, – сказал он с отсутствующим видом. – Один ножом тыкал тебе под ребра и был готов поковырять твои потроха, если ты раскроешь рот без его разрешения. Что же они хотели? Отвести тебя на кухню, кажется? Не говорил ли один из них, что сунет твои ноги в очаг и продержит их там, пока ты не скажешь, где спрятано золото?

– У меня нет золота, – пробормотал неубедительно Абулет. Обрезанную по краю монетку он узнавал за десять шагов, и вполне можно верить слухам, что свой самый первый краденый медяк он зарыл где-то в таверне.

– Конечно, нет, – мягко согласился Конан. – Однако ты должен благодарить Ханнумана за то, что я увидел, что происходит, в то время как никто больше этого не заметил. Согласись, все-таки немного... неудобно, когда ноги жарятся в углях, а сказать тебе нечего.

– Да, ты увидел. – Тон толстяка был таким же кислым, как и его вино. – И начал размахивать вокруг своим проклятым мечом, поломав половину моих столов. Ты знаешь, во что мне обошлась их замена? Потаскухи бились в истерике, увидев, сколько ты налил здесь крови, и половина посетителей разбежалась, опасаясь, что ты уложишь и их.

Конан рассмеялся и сделал большой глоток вина, не говоря ничего больше. Не проходило и ночи без того, чтобы не была пролита кровь на посыпанный опилками пол, и не было редко-стью зрелище, когда выволакивают труп, чтобы выбросить его в переулок.

Лицо Абулета передернулось, и челюсть его опустилась так, что число подбородков удвоилось.

– Так что мы в расчете. Правильно?

Конан кивнул, но предупредил:

– Если только расскажешь о том, что меня интересует. Я ищу женщину. – Абулет фыркнул и указал рукой на девок в зале. Конан терпеливо продолжал: – Она воровка, примерно такого роста, – он показал огромной рукой расстояние от пола до груди, – и довольно округла для своего размера. Сегодня ночью на ней были черные узкие штаны и короткая рубаха, плотно облегающие. И при ней было это, – он выложил на стойку метательный нож. – Себя она называет Лианой.

Абулет потыкал черное лезвие грязным пальцем.

– Я не знаю воровки ни по имени Лиана, ни с другим именем. Был один человек, однако, который пользовался похожими ножами. Джамаль звали его.

– Женщину, Абулет.

Хозяин таверны пожал плечами:

– У него была дочь. Как ее звали? Дай вспомнить... – Он потер измазанную сажей щеку. – Джамалья укоротила на голову городская охрана, должно быть, десять лет назад. Девочку взяли к себе его братья, Гайан и Хафид. Они были тоже ворами. Не слышал о них, однако, уже давненько. Слишком старые для такого занятия, полагаю. Годы всех нас не щадят. Тамира. Так ее звали. Тамира.

Мускулистый молодой человек бесстрастно глядел на жирного хозяина, пока тот не умолк.

– Я спрашиваю о девушке по имени Лиана, а ты мне плетешь басню о какой-то Тамире. И о всей ее Митрой проклятой семье. Не хочешь ли рассказать мне о ее маме? Ее бабушке? Мне уже самому хочется засунуть твои ноги в огонь.

Абулет опасливо посмотрел на Конана. Этот человек с необычными голубыми глазами был известен в Пустыне своей вспыльчивостью и непредсказуемостью.

Хозяин развел руками:

– Разве трудно назвать чужое имя? И разве я не сказал? Джамаль и его братья носили черную одежду, какую ты описал. Утверждали, что это делает их почти невидимыми в темноте. У них было много хитростей. Вербки из шелка, выкрашенные черной краской... я всего и не знаю. Нет, твоя воровка – Тамира, это точно, как бы она себя теперь ни называла.

Черные веревки, подумал Конан, и подавил улыбку. Несмотря на свою молодость, он уже довольно долго был вором, чтобы научиться скрывать свои чувства.

– Возможно, – произнес он задумчиво.

– Возможно, – проворчал хозяин. – Помяни мое слово. Это она. Мы в расчете, киммерец.

Конан допил вино тремя большими глотками и громко поставил пустую кружку.

– Если только это та самая женщина, что я ищу. Вопрос лишь в том, где ее найти, чтобы убедиться.

Абулет взмахнул коротенькими руками:

– Ты думаешь, я слежу за всеми женщинами в Пустыне? Я не могу уследить за потаскухами даже в собственной таверне!

Конан повернулся спиной к скрипящему зубами хозяину таверны. Тамира и Лиана, он был уверен, одно и то же лицо. Должно быть, ему сопутствует удача, ибо он ожидал потратить дни на расспросы, чтобы выйти на след. Обитатели Пустыни оставляли так же мало следов, как и животные, живущие в местности с тем же названием. Определенно, то, что он так быстро столь многое узнал, было добрым предзнаменованием. Без сомнения, он выйдет утром из таверны и встретит ее, когда она будет проходить мимо по улице. И тогда уж они посмотрят, кто из кого сделает дурака.

В это мгновение взгляд его упал на Семирамиду, сидящую за столом вместе с тремя кофскими контрабандистами. Один, с усами, закрученными как рога, и большими позолоченными серьгами в ушах, месил рукой обнаженное бедро Семирамиды и что-то настойчиво ей говорил. Быстро приняв решение, Конан зашагал к столу, где сидели все четверо.

Кофийцы подняли глаза, а Семирамида нахмурилась.

– Конан, – начала она, протянув к нему предупредительно руку.

Огромный киммерец схватил ее за кисть, нагнул и, пока никто не успел пошевелиться, ввалил Семирамиду на плечо. Скамьи с грохотом попадали, когда кофийцы вскочили на ноги, потянувшись руками к рукояткам оружия.

– Ты, северный олух! – орала Семирамида, яростно извиваясь. Кулак ее безрезультатно барабанил по широкой спине. – Отпусти меня, ты, верблужий выкидыш! Митра разорви твои глаза, Конан!

Тирада ее продолжалась, ругательства становились все более изощренными, и Конан замер в восхищении, чтобы послушать. Кофийцы колебались, наполовину вытащив клинки, смущенные тем, что на них не обращают внимания. Мгновение спустя Конан посмотрел на них, изобразив на лице любезную улыбку. Это явно смутило всех троих еще больше.

– Моя сестра, – сказал он мягко. – Она и я должны посоветоваться по семейному вопросу.

– Чтоб Эрлик содрал с тебя шкуру и выставил твой труп тухнуть на солнце! – кричала извивающаяся женщина. – Деркето иссуши твои яйца!

Конан спокойно встретился взглядом с каждым из троих по очереди, и каждый контрабандист поежился, поскольку улыбка Конана не затрагивала ледяных голубых глаз. Кофийцы

измерили ширину его плеч, подсчитали, насколько ему будет мешать женщина, и бросили в уме жребий.

– Не буду вмешиваться в отношения между братом и сестрой, – пробормотал тот, у которого в ушах болтались кольца, отводя взгляд. Все трое вдруг оказались поглощены тем, что ставили свои скамейки на место.

Крики Семирамиды стали еще яростнее, когда Конан направился к шаткой лесенке, ведущей на второй этаж. Он шлепнул ладонью по круглой попке.

– Твои сладкие стихи наводят меня на мысль, что ты меня любишь, – сказал он, – но твой нежный голосок оглушил бы и быка. Замолчи.

Тело ее начало дрожать. Конану потребовалось некоторое время для того, чтобы понять, что она смеется.

– Можешь отпустить меня теперь, ты, зверь неученый? – спросила она.

– Нет – ответил он, улыбаясь.

– Варвар! – пробормотала она и нежно прижалась щекой к его спине.

Смеясь, он шагнул через две ступеньки. Ему действительно везло.

Глава 3

Катара-базар являл собой калейдоскоп цветов и какофонию звуков. Это была большая, мощенная плитами площадь рядом с Пустыней, где холеные князьки оказывались бок о бок с неумытыми приказчиками, которые ехидно скалились, когда толкали благородных. Одетые в шелка дамы, сопровождаемые вереницей подбострастных рабов, несущих покупки, прогуливались здесь, не обращая внимания на толпы оборванных беспризорных ребятишек, путающихся под ногами.

Некоторые торговцы выставляли свой товар на изысканных столиках под тенью. У других не было ничего, кроме одеяла, расстеленного под жарким солнцем. Коробейники, продающие сливы и ленты, апельсины и заколки, звонко выкрикивали название своего товара, продираясь сквозь толпу. Радужные ткани, резная слоновая кость из Вендии, медные котлы от собственных шадизарских мастеров, переливающиеся жемчуга с Моря Запада и поддельные украшения, в неподдельности которых клялись торговцы, – все переходило из рук в руки за одно мгновение. Часть товаров была ворованными вещами, часть – контрабандой. Мало за что была уплачена даже царская пошлина.

Утром после первой попытки завладеть кубком Самарида – одна мысль об этом заставляла его морщиться – Конан обходил базарную площадь по периметру, высматривая кого-то среди нищих. Попрошаек не допускали на саму площадь, но они выстраивались по ее краям, умоляя прохожих подать им монетку. Между оборванцами было определенное расстояние, ибо, в отличие от других районов Шадизара, здесь нищие скооперировались до такой степени, что точно установили этот промежуток. Попрошаек слишком много, и если стоять слишком близко, то это снизит доход каждого.

Купив на медяки во фруктовой лавке два апельсина, огромный киммериец сел на корточки рядом с попрошайкой в грязных отрепьях, у которого одна нога была гротескно вывернута в колене. Испачканная тряпка закрывала глаза, а перед ним на мостовой стояла деревянная плочка с единственным медяком на дне.

– Подай бедному слепому, – громко ныл нищий. – Подайте монетку слепому, милые люди. Подайте бедному слепому.

Конан бросил в плочку один апельсин и начал чистить другой.

– Не думаешь снова стать вором, Пеор? – спросил он тихо.

«Слепой» слегка повернул голову, чтобы убедиться, что никого нет рядом, и сказал:

– Никогда, киммериец. – Его веселый голос звучал настолько тихо, что достигал лишь ушей киммерийца и ничьих больше. Апельсин исчез под заплатанной рубахой. – Не стану. Нет, я плачу десятую часть городской охране и сплю по ночам спокойно, зная, что моя голова не будет выставлена у Западных ворот. Тебе стоит подумать и перейти в нищие. Это надежное занятие. Не то что воровство. Проклятое Митрой горное дерьмо!

Конан замер, не донеся до рта дольку апельсина.

– Что?

Едва заметным движением головы Пеор указал на группу из шести кезанкийских горцев в турбанах и с бородами; их черные глаза были широко раскрыты от удивления перед большим городом. Они прошли по базару будто в тумане, щупая вещи, но ничего не покупая. По хмурым взглядам, провожающим их, было видно, что торговцы рады, что те убрались, независимо от того, сделали они покупки или нет.

– Это уже третья группа грязных шакалов, какую я видел сегодня, а до того, как полностью поднимется солнце, песочные часы должны перевернуться еще два раза. Им следует поспешить убраться под камни, из-под которых они выползли, если учесть то, о чем мы узнали сегодня утром.

У нищего практически не было возможности между восходом и заходом произносить что-нибудь, кроме жалобного крика и время от времени подобострастных благодарностей. Так что пусть выговорится, подумал Конан, и спросил:

– Что вы узнали?

Пеор фыркнул:

– Если бы это был новый способ кидать игральные кости, киммериец, ты знал бы это еще вчера. Думаешь ли ты о чем-нибудь, кроме женщин и азартных игр?

– Что вы узнали, Пеор?

– Говорят, что кто-то объединяет кезанкийские племена. Говорят, что горцы точат свои сабли. Говорят, это может означать войну. Если это так, то Пустыня первой почувствует удар, как всегда.

Конан выбросил остатки апельсина и вытер руки о штаны.

– Кезанкийцы далеко, Пеор. – Улыбка его показала крепкие белые зубы. – Или ты думаешь, что племена оставят свои горы, чтобы грабить Пустыню? Я бы на их месте выбрал район побогаче, но ты старше меня и, безусловно, разбираешься лучше.

– Смейся, киммериец, – сказал горько Пеор. – Но когда объявят войну, толпа начнет охотиться на горцев, чтобы перерезать им глотки, и если не насытится кровью, то обратит свое внимание на Пустыню. И армия будет здесь – «для поддержания порядка». То есть будут зарубать любого беднягу, который решит противиться толпе. Так уже случалось, и так же будет снова.

На них упала тень, отброшенная женщиной, чьи мягкие одежды из изумрудного шелка, будто ласкающие руки, обводили изгибы груди, живота и бедер. Вокруг талии был повязан пояс, сотканный из золотых нитей. На запястьях и шее были нитки жемчуга, и еще две жемчужины, огромные, как ноготь большого пальца мужчины, висели в ушах. За ее спиной стоял высокий шемит с рабским ошейником и выражением усталости на лице, нагруженный свертками с базара. Она бросила в плоску Пеора серебряную монету, но ее жаркий взгляд был устремлен на Конана.

Мускулистому молодому человеку обычно доставляли удовольствие взгляды, какие бросали на него женщины, но эта оглядывала его так, будто он конь, которого продают. И что было еще хуже, шемит нахмурился, будто узнал соперника. Лицо Конана вспыхнуло гневом. Он открыл рот, но она заговорила первой:

– Мой муж не одобрил бы этой покупки. – Она улыбнулась и пошла прочь, покачивая бедрами. Шемит поспешил следом, бросив на Конана через плечо самодовольный взгляд.

Костлявые пальцы Пеора выудили серебряную монету из плоски. Хихикая, что свидетельствовало о том, что он по крайней мере частично вернул себе хорошее настроение, он засунул его к себе в сумку.

– И она заплатила бы в сто раз больше за одну ночь с тобой, киммериец. В двести. Так ведь приятнее зарабатывать себе монеты, чем лазая по крышам, а?

– Ты хочешь, чтобы эта нога была сломана на самом деле? – прорычал Конан.

Нищий расхихикался так, что в конце концов закашлялся. Когда он снова мог ровно дышать, то вытер рот рукой.

– Без сомнения, тогда в мою плоску попадет еще больше монет. Мое колено болит по ночам оттого, что я выворачиваю его весь день, но то падение было самым лучшим, что со мной случилось.

Конан поежился от такой мысли, но, пока Пеор не потерял еще хорошего настроения, поспешил сказать:

– Я пришел сюда сегодня не для того, чтобы угостить тебя апельсином, Пеор. Я ищу женщину по имени Лиана или, может быть, Тамира.

Пеор кивал, когда киммериец описывал девушку, тщательно отредактировав рассказ об их встрече, затем сказал:

– Тамира. Я слышал это имя и видел девушку. Внешность у нее такая, как ты и говоришь.

– Где мне ее найти? – спросил радостно Конан, но нищий покачал головой:

– Я сказал, что видел ее, и не один раз, но о том, где она может быть... – Он пожал плечами.

Конан дотронулся до кожаного кошелька у пояса.

– Пеор, у меня найдется несколько серебряных монет для человека, который скажет, где ее найти.

– Жаль, что я не знаю, – произнес Пеор огорченно, но затем быстро продолжил: – Но я поговорю со своими – из Братства плоски. Если какой нищий увидит ее, ты об этом узнаешь. В конце концов, ведь дружба что-то значит?

Киммериец прочистил горло, чтоб скрыть улыбку. Дружба, действительно! Сведения поступят к нему через Пеора, а нищему, который их добудет, повезет, если он получит хотя бы один серебряный кругляш.

– Конечно, значит, – согласился он.

– Но, Конан... Я не одобряю убийства женщин. Ты ведь не хочешь причинить ей вреда?

– Только ее достоинству, – ответил Конан, поднимаясь на ноги. С помощью нищих он доберется до нее еще до вечера. – Только ее достоинству.

* * *

Два дня спустя Конан пробирался сквозь толпу с кислым выражением лица. Не только нищие Шадизара сделались его глазами. Многие потаскухи улыбнулись красивому киммерийскому варвару, трепеща под взглядом голубых глаз, и пообещали помочь ему найти ту женщину, хотя и надувая каждый раз от ревности губки. С уличными беспризорниками, на которых не производили впечатления широкие плечи и лазурные глаза, было сложнее. Некоторые называли их «пыль», этих бездомных, оборванных детей, которым не было числа, беспомощных перед ветрами судьбы, но улицы Шадизара были жестокой школой, и дети верили неохотно и требовали награды серебром. Но все эти глаза сказали ему только о том, где Тамира была до этого, а не о том, где она находится сейчас.

Конан рассматривал прохожих, пытаясь проникнуть взглядом сквозь покрывала тех женщин, которые их носили. По крайней мере, под покрывала тех, кто был хрупок и не выше его груди.

Что он будет делать, когда найдет ее, было еще неясно; он знал лишь, что потребует возместить ущерб, нанесенный его достоинству; но он отыщет ее, даже если ему придется заглянуть в лица всех женщин Шадизара.

Он был настолько погружен в свои мысли, что совершенно не слышал звук барабана, который гонял других с улицы, заставляя даже паланкины прижаться к краю, до тех пор пока вдруг не обнаружил, что стоит один посреди улицы.

Обернувшись, чтобы посмотреть, откуда исходит ритмичный стук, он увидел, что на него надвигается процессия.

Во главе ее шли два воина с копьями, такие же высокие, как и киммериец, – мужчины с черными глазами и в накидках из шкур леопарда, чьи когтистые лапы висели поперек их широкой обнаженной груди. За ними следовал барабанщик с инструментом, висящим на лямке на боку так, чтобы можно было свободно размахивать палочками, отбивая ритм. Десятка два человек в остроконечных шлемах и коротких кольчугах без рукавов следовали за барабанщиком. Половина из них несла копья, а половина – луки и колчаны за спиной, и все были одеты в белые широкие шаровары и красные сапоги.

Конан оглядел кортеж лишь до того места, где шествовали всадники. Их возглавляла женщина верхом на гарцующем черном мерине, который был на локоть выше всех коней свиты. Женщина была высокой, с развитыми формами. Ее одяние, состоящее из узкой рубахи и еще более узких штанов, и то и другое из коричневого шелка, и алой мантии, откинутой на круп лошади, и все это ничуть не скрывало изгибов тела женщины. Светло-коричневые волосы, позолоченные солнцем, вились вокруг плеч и обрамляли гордое лицо с ясными серыми глазами.

Это была женщина, на которую стоит посмотреть, подумал Конан. И кроме того, он знал о ней, как и любой вор в Шадизаре. Княжна Йондра была известна благодаря своей надменности, своей любви к охоте, умению управлять лошадьми, а среди воров – благодаря тому, что обладала ожерельем и тиарой, от вида которых у многих текли слюнки. В них были вправлены чистейшие рубины, более крупные, чем последняя фаланга большого пальца массивного мужчины, обрамленные сапфирами и черными опалами. Обитатели Пустыни дразнили друг друга, предлагая собеседнику украсть эти украшения, ибо из всех, кто уже пытался это сделать, единственный, не попавшийся на копье стражника, умер со стрелами в глазах, выпущенными самой Йондрой. Говорили, что она была больше разгневана тем, что вор вошел в ее покои тогда, когда она купалась, чем его неловкой попыткой кражи.

Конан уже приготовился уступить дорогу процессии, как воины в накидках из леопарда, теперь не более чем в пяти шагах от него, направили на киммерийца острия своих копий. Они не замедлили шага, а шли так, будто от этой угрозы киммериец должен помчаться в поисках укрытия.

Лицо огромного киммерийца напряглось. Они что, приняли его за собаку, чтобы сгонять с дороги? Достоинство молодого человека, и без того изрядно пострадавшее в последние дни, было уязвлено. Он выпрямился, и руки его направились к потертой, обмотанной кожей рукояти меча. Над толпой, стоящей по обеим сторонам улицы, повисла мертвая тишина.

Глаза воинов с копьями расширились при виде того, что молодой человек остался стоять на месте. Улицы всегда расчищались перед их госпожой – обычно хватало и барабана, а в самом крайнем случае было достаточно блеснуть на солнце наконечником копья. Оба поняли одновременно, что это не ученичок, которого можно оттолкнуть в сторону. Как один, они остановились и приняли боевую стойку.

Барабанщик, самозабвенно лупя палочками, продолжал размахивать руками, пока не оказался между двумя воинами. Там палочки его застыли – одна поднятая, другая у самой кожи барабана, – а глаза забегали, отыскивая выход. Все трое перегородили улицу и вынудили остальной кортеж княжны Йондры остановиться – вначале охотников в кольчугах, затем и всадников, и так до самого конца, пока все не прекратили движение.

Конан понял всю нелепость создавшегося положения и почувствовал, как ему становится смешно – против собственной воли. И как он только так влип, подумал он.

– Эй, ты! – прозвучал низкий женский голос. – Ты, верзила с мечом! – Конан поднял глаза и обнаружил, что поверх голов людей с копьями и луками на него глядит княжна Йондра. – Если ты можешь остановить Зурата и Тамалья, вероятно, ты можешь встретиться и со львом. Мне всегда нужны мужчины, но в Шадизаре мало достойных этого имени. Я возьму тебя на службу. – Высокий с орлиным носом человек, ехавший рядом с ней, сердито раскрыл рот, но она оборвала его жестом. – Что скажешь? С твоими плечами можно носить копье.

У Конана вырвался смех, и киммериец дал ему волю, хотя сам старался не сводить глаз с воинов и не убирал руки с рукояти меча.

Лицо Йондры постепенно застыло в удивлении.

– Я уже на службе, – сумел проговорить он, – у самого себя. Но, моя княжна, я хочу пожелать тебе приятного дня и не буду перегораживать дорогу.

Он сделал изящный поклон – не очень низкий, чтобы не терять из виду концы копий, – и сошел с середины улицы.

Мгновение сохранялось недоуменное молчание, но затем княжна Йондра уже кричала: – Зурат! Тамаль! Шагом марш! Юнио! Барабан!

Воины с копьями выпрямились, а барабанщик тут же принялся за свою работу. В следующее мгновение процессия уже двигалась. Йондра быстро проскакала мимо и посмотрела еще раз на киммерийца, не понимая, что делает. Человек с орлиным носом скакал рядом, красноречиво приводя какие-то доводы, но она его явно не слушала.

Стайка босоногих ребятишек в рубахах, которые давно потеряли всякий цвет, вдруг появилась рядом с Конаном. Предводителем их была девочка, находящаяся, правда, в том возрасте, когда худому телу трудно приписать какой-либо пол. Почти на голову выше всех своих сподвижников, она вразвалку подошла к мускулистому молодому человеку и принялась рассматривать убранство охотников. Мимо прошли собаки, натасканные на льва, рычащие бестии в ошейниках с шипами, рвущиеся с поводков.

– Такая собака и твою ногу откусит, – сказала девочка. – Большой человек, если получишь в живот копьё, то кто нам заплатит?

– Плату получите тогда, когда найдете ее, Лаэта, – ответил Конан.

Мимо проносили охотничьи трофеи: шкуры леопардов и львов, огромные полумесяцы рогов антилопы, череп огромного дикого быка с рогами, толщиной с человеческую руку, – и все это несли так, чтобы видели зрители.

Дочка бросила на киммерийца презрительный взгляд:

– Разве я не говорила? Мы нашли ту девку, и я хочу обещанные две серебряных монеты.

Конан проворчал:

– Когда я буду уверен, что это она.

Это было не первое сообщение о Тамире, полученное им. В одном случае за Тамиру выдавалась женщина в два раза старше его, в другом – одноглазый ученик горшечника. Прошел конец процессии Йондры – выючные животные и телеги с большими колесами, запряженные быками, и толпа сомкнулась, будто вода за кормой лодки.

– Отведи меня к ней, – сказал Конан.

Лаэта заворчала, но все же пошла по улице, окруженная, как телохранителями, своими мальчишками. Под каждой драной рубахой, как знал киммериец, был нож, и часто не один. Дети улиц предпочитали убегать, но, загнанные в угол, они были опасны, как стая крыс.

К удивлению Конана, они направились не в сторону Пустыни, а прочь от нее, в район, населенный ремесленниками. Вначале на них обрушился грохот из мастерской медника, затем вонь из чанов красильщика. Дым из горнов валил со всех сторон. Наконец девочка остановилась и показала на каменное здание, на котором на цепях висел знак с изображением льва, кое-как намалеванный не очень давно.

– Здесь? – спросил Конан подозрительно. Каждая таверна привлекала людей определенного круга, и вору не будут рады горшечники и красильщики.

– Здесь, – подтвердила Лаэта. Она пожевала губу, затем вздохнула: – Мы подождем на улице, большой человек. Серебряные монеты!

Конан нетерпеливо кивнул и толкнул дверь таверны.

Внутри таверна «Красный лев» была устроена иначе, чем другие подобные заведения. Когда-то в прошлом дом выгорел изнутри. Пол первого этажа, обрушившийся в подвал, так и не был восстановлен. Вместо этого был выстроен балкон вокруг всей внутренней части здания на уровне улицы, а обеденный зал находился там, где раньше был подвал. Даже в самые жаркие дни, когда солнце стояло высоко, в обеденном зале «Красного льва» было прохладно.

Стоя у перил балкона прямо у двери, Конан окинул взглядом таверну, отыскивая хрупкую женскую фигуру. Несколько мужчин стояли на балконе, некоторые прислонились к пери-

лам, держа в руках кружки, большая же часть тихо торговалась с потаскухами о цене. Прислуживающие девушки, несущие подносы с едой и напитками, сновали вверх и вниз по лестнице в дальнем конце обеденного зала, поскольку кухня оставалась на уровне первого этажа. За столами, расставленными внизу на каменном полу, сидели горшечники, руки которых были измазаны засохшей глиной, и ремесленники в кожаных фартуках, работающие с металлом, а также подмастерья в рубахах с радужными кляксами.

Вездесущие девки, чьи лоскутки шелка скрывали тела не больше, чем у их товаров в Пустыне, разгуливали между столами но, как он и ожидал, Конан не увидел тут других женщин. Убедившись, что Лаэта ошибалась или лгала, он начал уже поворачиваться к двери. Краем глаза он заметил, как грузный горшечник, которого гладила по волосам пышногрудая потаскуха, отвернулся от ее прелестей и с любопытством взглянул на точку прямо под тем местом, где стоял киммериец. Другой человек, положивший свой кожаный фартук на стол и усадивший к себе на колени повизгивающую девку, прекратил на мгновение лапать ее, чтобы сделать то же, что и горшечник. И еще один.

Конан перегнулся через перила, чтобы посмотреть, что же они все увидели, и обнаружил Тамиру, скромно одетую в бледно-голубой наряд, с отмытым лицом, так что кожа была девственно свежей... и с поднятой к губам деревянной кружкой. Вздохнув, она поставила, перевернув вверх дном, кружку на стол, что служило сигналом для прислуживающих девушек снова наполнить ее.

Улыбнувшись, Конан вынул из-за пояса плоский метательный нож. Рука его мелькнула, и черное лезвие уже дрожало в дне перевернутой кружки. Тамира вздрогнула, но тут же снова стала спокойной, и только пальцы левой руки барабанили по крышке стола. Улыбка киммерийца померкла. Тихо выругавшись, он степенно направился к лестнице.

Когда он достиг стола, за которым сидела девушка, метательный нож уже исчез. Он не обратил внимания на удивленные взгляды мужчин за соседними столами и сел напротив нее.

– Ты обещала мне восемь золотых, – были его первые слова.

Уголки рта Тамиры дернулись вверх.

– Так мало? Я получила сорок от княгини Зайеллы.

Конан вцепился в край стола так, что дерево заскрипело, протестуя. Сорок!

– Зарат из Кофа дал бы сотню, – пробормотал он, затем быстро продолжил, пока она не успела спросить, почему же ему в таком случае должны были дать лишь восемь. – Я хочу с тобой поговорить.

– А я с тобой, – сказала она. – Я не для того явилась в такое заведение и позволила тебе найти меня, чтобы...

– Позволила найти тебя! – взревел Конан. Посетитель за соседним столиком быстро поднялся и поспешил прочь.

– Конечно, позволила. – Лицо и голос ее были спокойны, но пальцы забарабанили снова. – Как могла я не заметить, что каждый нищий в Шадизаре и огромное число потаскух спрашивают о том, где я?

– А ты думала, я тебя забуду? – саркастически спросил он.

Она продолжала так, будто он ничего и не говорил:

– Ладно, но я этого не потерплю. Ты помешаешь моему... ты привлечешь к себе внимание моих родственников. Им не понравится то, что чужак следит за мной. Я привела тебя сюда, подальше от Пустыни, в надежде, что они не узнают о нашей встрече. Ты обнаружишь нож у себя в горле, киммериец. Но почему-то, сама не знаю почему, я этого не хотела бы.

Конан молча глядел на нее до тех пор, пока ее большие темные глаза не начали взволнованно моргать. Пальцы участили барабанную дробь.

– Значит, ты все-таки знаешь, из какой я страны.

– Дурак, я пытаюсь спасти тебе жизнь.

– О тебе заботятся дяди? – спросил он вдруг. – Наблюдают за тобой? Охраняют тебя?

– И ты сам узнаешь, насколько тщательно, если не оставишь меня в покое. Что ты так довольно улыбаешься?

– Просто теперь я знаю, что буду твоим первым мужчиной. – Голос его был спокоен, но все его мускулы напряглись.

Тамира, не веря своим ушам, молча открыла рот, а щеки ее залила алая краска. Вдруг с губ девушки сорвался крик, и в руке ее оказался метательный нож.

Конан бросился со скамейки в тот миг, когда рука ее взметнулась. За его спиной вскрикнул подмастерье и недоуменно уставился на кончик собственного носа, с которого тек красный ручеек и образовывал новые разводы на закапанной краской рубашке.

Конан осторожно поднялся на ноги. Тамира потрясала перед ним кулачками вне себя от ярости. По крайней мере, подумал он, у нее больше нет таких ножей. Иначе нож был бы уже выхвачен.

– Но ты должна меня просить, – сказал он, будто не был прерван. – Когда попросишь, мы будем в расчете за те восемь золотых, что ты украла у меня.

– Чтоб тебя Эрлик побрал! – задыхалась она. – Митра раздери твою душу! Подумать только, что я беспокоюсь... подумать, что мне... Да ты всего лишь олух! Надеюсь, что мои дяди действительно тебя поймают! Надеюсь, что городская охрана выставит твою голову на обозрение! Надеюсь... надеюсь... о-о!

Она вся тряслась от ярости.

– С нетерпением ожидаю наш первый поцелуй, – сказал Конан и увернулся от кружки, полетевшей ему в голову.

Спокойно повернувшись спиной к яростно кричащей девушке, он зашагал вверх по лестнице и вышел из таверны. Как только дверь за ним затворилась, его непринужденная манера тут же исчезла. Он спешно искал Лаэту и улыбнулся, когда она появилась с протянутой ладонью.

До того как она успела сказать хотя бы слово, он бросил ей две серебряных монеты.

– Будет еще, – сказал он. – Я хочу знать все о том, куда она ходит и с кем встречается. Тебе по монете каждые десять дней и столько же твоим друзьям.

Золото Баратсеса исчезло быстро, подумал он, но если повезет, то как раз должно хватить.

Лаэта, открывшая рот, чтобы поторговаться, могла лишь молча кивнуть.

Конан довольно улыбнулся. Тамира попалась. После представления, разыгранного им, она думает, что он придурок и шут, намеревающийся соблазнить ее, чтобы расквитаться за прошлое. Он даже сомневался, помнила ли она свою оговорку. Она чуть было не сказала, что он может помешать ее следующему делу. Она замышляет кражу, и ей не нужен конкурент. Но на этот раз первым будет он, а пустой постамент обнаружит она.

Глава 4

Большинство заморийских аристократов, думала княжна Йондра, расхаживая по дворцовому саду, сожалели о том, что последним из Перашанидов была женщина. Аккуратно засучив рукав своего ярко-красного шелкового одеяния, она обмакнула пальцы в искрящиеся воды фонтана, обрамленного мрамором с серыми прожилками. Краем глаза она разглядывала чело- века, который стоял рядом с ней. Его красивое лицо и черные глаза излучали самоуверенность. Тяжелая золотая цепь, каждое звено которой было добыто усердием его семьи, висела поверх изящных складок цитриновой рубахи. Князь Амарида ничуть не сожалел о том, что она женщина. Это означало, что все богатство Перашанидов достанется ему вместе с ее рукой... Если ему только удастся заполучить ее руку.

– Погуляем еще, Ама, – сказала она и улыбнулась при виде его неудачной попытки скрыть гримасу, вызванную этим данным ею ласковым прозвищем. Она была уверена, что он примет улыбку на свой счет. Он не в состоянии думать иначе.

– Сад прелестен, – сказал он. – Но все же не так прелестен, как ты.

Вместо того чтобы взять предложенную ей руку, она пошла дальше по мощеной дорожке, вынуждая его торопиться, чтобы догнать ее.

В конце концов ей придется вступить в брак. Мысль эта вызвала вздох сожаления, но долг сделает то, что не удалось легионам претендентов на ее руку. Она не может позволить роду Перашанидов закончиться на ней. Еще один вздох сорвался с ее пухлых губ.

– В чем причина такой меланхолии, моя сладость? – бормотал Амарида ей в ухо. – Позволь мне испробовать твой медовый поцелуй, и я прогоню все твои печали.

Она ловко увернулась от его губ, но не стала ничем другим рушить его надежду. В отличие от большинства заморийских аристократок, она мало кому из мужчин позволяла даже поцеловать себя, не говоря уж о чем-то большем. Но даже если она и не могла сдержаться и не поиздеваться над напыщенностью Амарида, его не следует прогонять совсем.

По крайней мере, он достаточно высок, подумала она. Она никогда не позволяла себе задумываться над причиной того, почему она выше большинства мужчин в Заморе, но она уже давно решила, что муж должен быть выше нее.

Амарида был выше на голову, но зато слишком хрупок. Она представила себе мужчину, которого бы хотела иметь мужем. Аристократического происхождения, конечно. Превосходный наездник, стрелок и охотник, разумеется. Телосложение? Выше Амарида примерно на голову. Шире в плечах, с широкой мощной грудью. Красивый, но более грубой красотой, чем ее спутник. Его глаза...

Вдруг она чуть не вскрикнула, когда узнала, чей образ она нарисовала себе. Она одела его как заморийского аристократа, но это был голубоглазый уличный бродяга, помешавший ее процессии, возвращавшейся с охоты. Лицо ее залилось краской. Голубые глаза! Варвар! Будто дымчато-серые огни вспыхнули ее собственные глаза. Как только могла она думать о том, чтобы позволить такому типу дотронуться до себя, даже не подозревая об этом! Митра! Тем хуже, что не подозревая!

– ...И во время моей последней охоты, – говорил Амарида, – я убил действительно замечательного леопарда. Даже лучше, чем те, что попались тебе, я полагаю. Я бы с удовольствием поучил тебя тонкостям охоты, моя маленькая конфетка. Я...

Йондра скрежетала зубами, в то время как он восторженно продолжал. Однако он действительно охотник, притом знатного происхождения. Если он и дурак – а в этом она почти не сомневалась, – тем проще будет с ним справляться.

– Я знаю, зачем ты пришел, Ама, – сказала княжна.

– ...когти величиной с... – Голос аристократа затих, и он недоуменно заморгал. – Знаешь?

Она не могла скрыть раздражения в голосе.

– Ты хочешь взять меня в жены. Ведь правда? Ну?

Она быстро направилась по саду к тиру. Амарид поколебался, затем побежал за княжной.

– Ты даже не представляешь, каким счастьем меня наполнила, сладчайшая. Сладчайшая?

Йондра? Куда же ты... а?

Йондра отстранила руки, пытающиеся обнять ее, луком, снятым ею с позолоченной подставки, стоявшей на траве. Спокойно она надела на левую руку кожаную накладку, чтобы защитить кожу от тетивы. Еще один лук и вторая накладка, а также два черных лакированных колчана, полные стрел, висели на подставке.

– Ты должен... сравняться со мной, – сказала она, указав жестом на маленькую круглую мишень, сделанную из плотно переплетенной соломы, висящую на верху деревянной рамы высотой в три человеческих роста на расстоянии в сто шагов от них. Она намеревалась сказать «превзойти», но в конце концов не решилась. В действительности она не верила, что кто-нибудь может превзойти ее, – ни с луком, ни верхом. – Я не могу вступить в брак с человеком, который стреляет хуже меня.

Амарид поглядел на мишень, затем взял, самодовольно улыбаясь, второй лук.

– А почему так высоко? Не важно. Спорим, что побью тебя в этом. – Он рассмеялся, и смех этот напоминал ржание и никак не вязался с его внешностью. – Я выиграл, стреляя, много кошельков, но ты будешь самым лучшим моим призом.

Рот Йондры напрягся. Засучив свободные рукава, она положила стрелу и крикнула:

– Миней!

Лысеющий человек в короткой белой рубаше слуги вышел из кустов рядом с рамой и потянул за веревку, укрепленную рядом с мишенью. Тотчас мишень, не больше человеческой головы, начала скользить вниз по диагонали, раскачиваясь из стороны в сторону на длинном деревянном рычаге. Было ясно, что она должна будет двигаться, увеличивая скорость до самой земли.

Йондра не поднимала своего лука до того, как мишень прошла половину первой диагонали. Зато тем быстрым движением она вскинула лук, натянула тетиву и выпустила стрелу. Стрела вонзилась в цель жестким ударом, не замедлив падения мишени. Но еще до этого в воздух взлетела уже вторая стрела, а за ней следовала третья. Когда соломенная мишень упала на землю, княжна опустила лук со вставленной, но не выпущенной стрелой. Это была седьмая. Шесть стрел с перьями украшали мишень.

– Рукава немного мешают, – сказала она огорченно. – В твоей рубаше можно выпустить больше шести. Дай мне только надеть охотничий костюм... Тебе плохо, Ама?

Лук Амарида болтался в расслабленной руке. Аристократ глядел, побледнев, на мишень. Когда он повернулся к княжне, бледность сменила густая краска. Он с трудом выговорил:

– Я слышал, что тебе доставляет удовольствие превосходить мужчин, но я не думал, что ты заявишь, что готова вступить в брак лишь для того, чтобы втянуть меня в... это! – Он выплюнул последнее слово и швырнул лук в сторону простреленной мишени. – Какой бритунийской ведьмовщиной ты воспользовалась, чтобы заколдовать свои стрелы?

Руки ее дрожали от гнева, когда она подняла лук, положила стрелу и натянула тетиву, но она заставила их успокоиться.

– Убирайся! – сказала княжна сурово.

Разинув рот, смуглый аристократ глядел на стрелу, нацеленную ему в лицо. Он резко развернулся и побежал, прыгая из стороны в сторону, ссутулясь, пытаясь увернуться от ее стрел и одновременно готовясь принять выстрел в спину.

Она проследила за каждым его прыжком и скачком, по-прежнему нацелив стрелу на него, пока он не скрылся в кустах. Лишь тогда она сделала выдох и ослабила тетиву. Мысли, которые она приучалась к себе не допускать, нахлынули снова.

Князь Карентид, ее отец, был генералом заморийской армии, а также и последним представителем древнего рода. Ведя кампанию на границе Бритунии, он выбрал себе пленницу, Камардику, высокую и сероглазую, которая утверждала, что она жрица. В этой связи не было ничего необычного, ибо заморийские солдаты часто забавлялись с пленными бритунийскими женщинами и в Заморе несть числа рабыням из Бритунии, но Карентид взял пленницу замуж. Взял замуж и тем самым подвергся остракизму.

Йондра помнила его тело – его и... той женщины, – лежащее в гробу, после того как лихорадка унесла столько жизней в городе, не пощадив ни аристократа, ни нищего. Йондру растили, обучали и охраняли так, как и полагается наследнице несметных богатств и представительнице древнего аристократического рода.

Однако ее рост и проклятые серые глаза... И она слышала, как люди шепчут. Полукровка. Дикарка. Бритунийка. Она слышала это, пока ее искусство стрельбы, ее вспыльчивость и отсутствие страха перед последствиями не прекратили этот шепот там, где она могла его слышать.

Она была княжна Йондра из дома Перашанидов, дочь генерала, князя Карентиды, последняя из рода, не уступающего в знатности роду самого царя Тиридаты, и никому не было позволено упоминать что-либо еще.

– Он ни разу бы не попал, моя госпожа, – произнес тихо голос у ее локтя.

Йондра взглянула на лысеющего слугу, на его озабоченное морщинистое лицо.

– Не тебе так говорить, Миней, – сказала она, но в голосе ее не было злобы.

Лицо Миней изобразило почтение.

– Повинуюсь, моя госпожа. Если моей госпоже угодно, то девушка, присланная княгиней Роксаной, здесь. Я отвел ее во вторую гостиную, но могу и увести, если ты все еще так хочешь.

– Если мне не дано выйти замуж, – ответила она, аккуратно кладя на место свой лук, – значит, служанка мне все-таки понадобится.

Во второй гостиной, пол которой был выложен мозаикой с зелеными и золотыми арабесками, стояла хрупкая девушка в короткой темно-синей рубаше – такой цвет заставляла носить своих служанок княгиня Роксана. Ее темные волосы были заплетены в простую косу, которая свисала до самой поясицы. Девушка опустила глаза, глядя на свои маленькие ножки, когда в зал вошла княжна Йондра.

На столике из черного дерева, инкрустированного слоновой костью, лежали две таблички, покрытые с одной стороны воском и связанные вместе шелковым шнурком. Йондра тщательно осмотрела печати на шкурке. Мало кто из не принадлежащих к классу аристократов или торговцев мог писать, но были случаи, когда слуги пытались внести изменения в свои рекомендации. Эти печати были целы. Княжна перерезала шнурок и стала читать.

– Почему ты хочешь оставить службу у княгини Роксаны? – спросила она вдруг. – Лиана? Так тебя зовут?

– Да, моя госпожа, – ответила девушка, не поднимая головы. – Я хочу стать горничной, моя госпожа. Я работала у княгини Роксаны на кухне, но ее горничные обучали меня. У княгини Роксаны не было места для еще одной горничной, но она сказала, что тебе, моя госпожа, она нужна.

Йондра нахмурилась. У этой девчонки даже не хватает духу посмотреть ей в глаза! Она терпеть не могла трусости у собак, лошадей, а также у слуг.

– Мне нужна девушка, чтобы обслуживать меня на охоте. Последние две не справились с трудностями. Ты считаешь, что твое желание стать служанкой сохранится, несмотря на жару, мух и песок?

– О да, моя госпожа.

Медленно Йондра обошла вокруг девушки, разглядывая ее со всех сторон. На вид она определенно крепкая, чтобы выдержать жизнь в охотничьем лагере. Кончиками пальцев княжна приподняла подбородок девушки.

– Симпатичная, – сказала Йондра, и ей показалось, что она заметила искры в этих больших темных глазах. Возможно, у нее, в конце концов, действительно достаточно храбрости. – Я не потерплю, чтобы моей охоте мешало то, что охотники будут страдать из-за хорошенького личика, девушка. Смотри не строй им глазки.

Йондра улыбнулась. На этот раз в глазах действительно мелькнула вспышка гнева.

– Я девственница, моя госпожа, – сказала девушка с едва заметной ноткой чопорности в голосе.

– Конечно, – сказала Йондра уклончиво. Мало кто из служанок были девственницами, однако они считали, что это дает больше возможностей при получении места. – Удивительно, что княгиня Роксана отпустила тебя, принимая во внимание все похвалы, какими она тебя осыпает. – Она постучала ногтем по навощенным табличкам. – Со временем я узнаю, достойна ли ты этих похвал. В любом случае знай, что я не потерплю и намека на непослушание, ложь, воровство и лень. Я не бью свою прислугу так часто, как некоторые, но прегрешения в этой области будут стоить тебе ударов плеткой. – Княжна наблюдала, как искры в глазах девушки потухли – в них теперь читалось усердие и рвение к работе по мере того, как значения слов доходили до нее.

– Моя госпожа, клянусь, что буду служить тебе так, как того заслуживает такая знатная особа.

Йондра кивнула.

– Миней, проводи ее в комнаты прислуги. И вызови сюда Арвания.

– Повинуюсь, моя госпожа.

Она тут же позабыла об этом деле. Звуки шагов Миней, уводящего девушку, уже не имели значения. Положив таблички на стол черного дерева, она прошла по залу к высокому узкому шкафу, сделанному из украшенного резьбой розового дерева. Дверцы распахнулись и открыли взгляду полки со свитками пергамента, каждый из которых был перевязан лентой. Она торопливо порылась среди свитков.

Случай с Амарилом утвердил ее решение. То, что слухи о ее происхождении по-прежнему расползаются, было достаточной причиной для того, чтобы оставить мысль о замужестве. Вместо этого...

Амарид сказал, что она любит превосходить мужчин. Что же ей делать, если мужчины со своей дурацкой гордостью не могут принять того, что она лучше их – и в стрельбе, и в скачках, и на охоте? Она превзойдет их, поскольку так и должно быть. Она сделает то, на что ни у одного из них не хватит ни умения, ни отваги.

Княжна развязала ленту, связывающую свиток, и пробежала глазами по пергаменту, пока не нашла то, что искала.

«У зверя, моя госпожа, говорят, есть чешуя, но передвигается он на ногах. Отсеивая явные преувеличения, вызванные страхом, я могу с определенностью доложить, что он поедает людей и скот. Обитает он, моя госпожа, по-видимому, в Кезанкийских горах рядом с границей Заморы и Бритунии. Учитывая происходящее сейчас волнение среди горских племен, я не могу советовать...»

Йондра смяла пергамент. Она вернется со шкурой этого необычного зверя в качестве трофея. Пусть только кто-нибудь из подобных Амарида заикнется о том, что сможет сделать то же самое. Пусть только посмеет.

* * *

Тамира семенила следом за Минеем по коридорам дворца, едва слушая лысеющего старика, который говорил ей о ее обязанностях и рассказывал о других слугах. До самого последнего момента она не была уверена, что план ее сработает, даже после такой тщательной подготовки.

Сорок золотых получила она от Зайеллы, и все ушло на приготовления к этому делу. Большая часть потрачена была на дворецкого Роксаны, позволившего воспользоваться личной печатью княгини. Проверок, однако, не будет, и подвох не обнаружат, поскольку княгиня Роксана покинула город днем раньше. Тамира позволила себе улыбнуться. Через несколько дней у нее будет сказочное ожерелье и тиара Йондры.

– Не отвлекайся, девушка, – сказал раздраженно Миней. – Тебе все это надо знать, чтобы помогать в приготовлении к охоте княжны Йондры.

Тамира заморгала.

– К охоте? Но ведь она только что вернулась с охоты.

– Ты видела, как я говорил с Арванием, занимающимся делами, связанными с охотой. Нет сомнения в том, что вы отправитесь, как только соберут припасы.

Девушку охватила паника. В ее планы не входило на самом деле отправляться в поход с Йондрой. Зачем потеть в шатре, когда драгоценности остаются в Шадизаре. Конечно, они и останутся там, когда она вернется. Но может вернуться и княгиня Роксана.

– Я... я должна позаботиться... о своих вещах, – промямлила она. – Я оставила свою одежду во дворце княгини Роксаны. И свою любимую заколку. Мне нужно принести...

Миней прервал ее:

– Когда получишь инструкцию о подготовке к охоте. Ты должна позаботиться не только о том, чтобы были упакованы платья и драгоценности моей госпожи, но ты должна проследить за ее духами, мылами и маслами для купания, и...

– Она... госпожа берет на охоту украшения?

– Да, девушка. Слушай внимательно. Румяна и пудра моей госпожи...

– Ты имеешь в виду несколько браслетов и брошек? – не отставала Тамира.

Старик потер лысину и вздохнул.

– Я не имею в виду ничего подобного, девушка. По вечерам моя госпожа наряжается, чтобы обедать во всем великолепии. Ладно, поскольку ты кажешься мне рассеянной по какой-то причине, я прослежу за тем, как ты исполнишь свои обязанности.

Остаток утра и часть дня Тамиру перебрасывали с одной работы на другую, и все это происходило под неусыпным оком Миней. Она сложила шелковые и кружевные одежды Йондры – три раза ей пришлось переделывать это, пока Миней не остался доволен, – и уложила их в плетеные корзины. Редкие духи из Вендии и пудры из Кхитая, румяна из Султанапура, дорогие масла и мази из дальних краев – все завернула она в мягкие тряпочки и уложила, и все это время лысеющий старикашка висел над ней и напоминал, что с каждым флакончиком и с каждой баночкой нужно обращаться так нежно, как с младенцем. Затем, еле переступая под тяжестью корзин, она и другие служанки отнесли свой груз на двор конюшни, где готовили выучных животных к утру.

Каждый раз, когда Тамира проходила по покоем Йондры, у нее текли слюнки при виде ларцов – железных ящиков с толстыми стенками – для переноски украшений аристократки. Ларцы стояли и дразнили на фоне увешанных гобеленами стен. Но сейчас они были просто железом, поскольку их заполнят лишь в последний момент. Все же украшения отправятся вместе с ней. Тамира не могла не улыбнуться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.